

ОТРЫВКИ ИЗ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О В.Н. ПОДГОРБУНСКОМ

Подгорбунский В.Н. на броне танка Т-34 обсуждает боевое задание с Бушиловым М.И. 1944 г.

Ю. ЖУКОВ* «ПУТЬ К КАРПАТАМ»

РАЗДЕЛ «РАССКАЗЫ ПОДГОРБУНСКОГО» (ФРАГМЕНТЫ)

По совету подполковника Колтунова отправляюсь в 19-ю гвардейскую мотострелковую бригаду полковника Липатенкова на поиски знаменитого разведчика Подгорбунского. С трудом нахожу бригаду в неприметном с виду леске. Гвардейцы только что прибыли сюда и начинают обживать своё место. Полковник Липатенков, узнав, кого я ищу, улыбается:

– Да, оригинальный человек. Удивительные дела совершает. Иногда, конечно, нелегко бывает с ним, прошлое на него давит, с дисциплиной не всегда в ладу. К девятнадцати годам он набрал приговоров на тридцать шесть лет заключения. Его осуждали, он бежал из мест заключения, его снова задерживали, и он опять бежал... Потом, незадолго до войны, в одном лагере попал в хорошие руки: изменился парень, стал отлично работать

***

и словно отрезал своё прошлое. Написал прошение Михаилу Ивановичу Калинин, попросился в армию. Обдумали, проверили – кажется, можно рискнуть. Взяли и не ошиблись. **В бою он – сущий дьявол. Такое иногда сотворит, что и поверить невозможно. А пошлешь проверить – всё точно.** У таких людей какая-то обострённая, я бы сказал, скрупулёзная честность. Он как бы щеголяет ею: «Вот вы небось мне не верите, так посмотрите сами!» Смотришь, удивляешься, снова смотришь – всё точно. Вот, взгляните-ка на этот документ.

Полковник протянул мне отпечатанную на машинке копию реляции на присвоение Подгорбунскому звания Героя Советского Союза – он получил Золотую Звезду после взятия города Казатина.

– Невероятно? – прищурился полковник. – Согласен. С точки зрения элементарных тактических расчётов для двух танков и 18-ти автоматчиков сделано непосильное. И всё же это факты. Проверенные и удостоверенные...

И вот мы стоим лицом к лицу с невысоким сутуловатым человеком в зелёном комбинезоне, поверх которого прицеплена Золотая Звезда с успевшей засалиться ленточкой и нашиты шесть полосок: три золотые и три алые. Это, как известно, означает, что человек был ранен шесть раз – три раза тяжело и три раза легко. Склонив на бок русую голову, Подгорбунский глядит на меня пытливыми, хитроватыми глазами из-под тронутых бритвой

бровей, словно прикидывает, что это за человек явился и стоит ли тратить время на беседу с ним. Сломав ветку, он молча достаёт из ножен финский нож и молча начинает строгать, потом швыряет ветку в кусты, прячет нож и протягивает руку:

– Ну что ж, давайте знакомиться, – хрипловатым голосом угрюмо говорит он. – Подгорбунский Владимир Николаевич... Наверно, вам уже говорили: бывший беспризорник, а теперь гвардии старший лейтенант. Вот так... Что ещё вас интересует?

Видимо, этому человеку изрядно надоели люди, приезжающие посмотреть на него как на диковинку. Это, конечно, нравится ему, щекочет тщеславие и в то же время раздражает: прошлое, о котором ему напоминают, хотя бы и с умилением – посмотрите, как он перековался! – давит его... Человеческого контакта у нас с Подгорбунским пока не получается: он весь как-то насторожился, взъерошился. Видимо, ему хочется поскорее отделаться от меня. Надо подойти к нему с другого конца, думаю я, и говорю, что у меня выдался свободный денёк, а товарищи в штабе давно просили рассказать разведчикам о том, как живёт сейчас Москва.

Лицо Подгорбунского сразу меняется: расходятся складки, глаза веселеют, по губам скользнула какая-то неожиданная тёплая усмешка.

– О Москве?.. – Он зовёт стоящего поодаль мальчонку в военной форме и с огромным пистолетом у пояса, я его сразу и не приметил. – Это мой адъютант... А ну, адъютант, живо собрать сюда весь взвод! – И, вложив два пальца в рот, Герой Советского Союза пронзительно свистнул.

Через минуту вокруг меня уже сидят все разведчики Подгорбунского. Вскоре

собралась вся разведрота, ею командовал старший лейтенант Соколов.

Я рассказываю о Москве, о том, как выглядит сейчас город, чем живут сейчас москвичи, как работают предприятия. Слушают внимательно, с горящими глазами. Потом сыплются вопросы: «А какие театры открылись?», «Расскажите о третьей очереди метро», «А правда ли, что город начали освещать?», «Говорят, открыли рестораны?», «Что на канале Волга-Москва?»

– Эх, хотя бы глазком повидать Москву! – вздыхает Подгорбунский. – Сестрёнка у меня там...

– После войны, – заметил кто-то.

– Смеёшься! – откликнулся Подгорбунский. – Меня шесть раз пули жалели, думаешь, и в седьмой раз так будет? Нет, моя жизнь до мира не дотянется... Мне хоть бы до Германии дойти – надо кое с кем рассчитаться, а там уж всё... Вот так!

Завязался простой человеческий разговор. Подгорбунский уже не позировал, не косился на записную книжку корреспондента. Говорил о буднях сурового солдатского мира, когда человек отрешён от привычного гражданского бытия, о том, что солдату трудно заглядывать вперёд...

Я живу в землянке у разведчиков день, другой, третий. Постепенно мы начинаем лучше понимать друг друга. И вот уже Владимир Подгорбунский говорит: «Зовите меня Володей, я так больше привык». И попросту, без всяких фокусов, он начинает рассказывать о своей работе. «О работе, а не о подвигах», – считает нужным подчеркнуть Подгорбунский. Рассказывает он очень обстоятельно, с бесчисленными деталями, и в рассказах его всегда находится место и время для описания всех участников операции... Я прошу

рассказать о знаменитом рейде на Бучач во время форсирования Днестра: Подгорбунский оказал тогда огромную услугу всей армии. Он охотно соглашается, но рассказ свой начинает издалика, с того момента, когда ещё в самом начале наступления по указанию разведотдела корпуса была сформирована и двинута вперёд его разведывательная группа.

– Дали мне, как обычно, два танка и отделение сапёров. Ну, и весь наш взвод, конечно, вошёл в группу. Танкисты – те же, с которыми мы в Казатин врывались. Висконт Алексей, старший лейтенант, командир танкового взвода, парень лет двадцати трёх, высокий такой, плотный, круглолицый, русский, за Казатин он получил орден Красного Знамени, а за эту операцию потом ему добавили орден Ленина, но вскоре не повезло парню – убили его; и Васильченко Николай, лейтенант, командир танка, такой невидный собой, щуплый, но воинской, за Казатин он имел орден Отечественной войны, за Винницкую операцию получил Красную Звезду – мы там с ним за Буг прорывались. Он и сейчас живой, воюет хорошо, добавили ему два ордена Красного Знамени и ещё одну Красную Звезду. Словом, скоро ордена вешать некуда будет...

Автоматчиками командовал мой заместитель Лукин Дмитрий, старший сержант. Он москвич, окончил десятилетку, двадцать второго года рождения, полный такой, среднего роста, спокойный парень, а погиб в скором времени самой что ни на есть трагической смертью. Я вам потом об этом обязательно расскажу. Был он тоже человек заслуженный: за Казатин получил орден Славы, а за Бучач – Красную Звезду... Вы обязательно напишите про его награды. Родители прочтут,

им приятно будет...

Подгорбунский помолчал... Наверное вспоминал, не упустил ли чего в описании своих соратников по этому рейду. Потом с той же обстоятельностью продолжал...

– Собрались мы на опушке леса у реки, в полутора километрах от деревни Константиново. Собрались все: четырнадцать автоматчиков, восемь сапёров да два танковых экипажа, то есть ещё восемь человек. Смотрю на них – хорошие, обстрелянные ребята, с такими не пропадёшь. Объясняю задачу: уходить вперёд, нащупывать уязвимые места, разведывать, доставлять в разведотдел контрольных пленных, врываться как можно глубже в немецкие тылы, где удастся – громить и подавлять противника. А главное – будем делать панику.

Людей рассадили по танкам, двое сапёров с миноискателями – впереди, у башни, двое – на корме машины, там же десант автоматчиков. Я сам еду с Васильченко впереди, на броне, возле люка механика-водителя: чтобы удобнее было давать экипажу команду. На второй машине, с Висконтом, в такой же позиции Лукин. Тронулись в путь под вечер... Днём прошёл дождь. Грязь такая, что даже танку трудно идти. А трава уже начала пробиваться, но лес ещё голый, только первые птицы пересвистываются. Небо облачное. Но вдруг тучи разогнало, и солнце – у самого горизонта, такое чудное, красное, будто помятое. А в двух километрах – бой, грохот. Ну, загадываю, дожить бы до весны, когда эти деревья зеленью покроются. И даю команду: «Вперёд»...

Так он описывает весь пройденный путь, километр за километром, деревню за деревней, переправу за переправой... Ему хотелось расска-

зять обо всём: о том, как разведчики врывались в деревни и как гусеницами танков крушили перехваченные обозы, и как уничтожили 219 повозок штаба 68-й немецкой дивизии, и как влетели в Чортков, и как сражались с немецкими танками, и как брали пленных.

Но особенно подробно и образно ему хотелось рассказать о каждом участнике рейда. И о Жарикове... и о Паршине... и о Федорове... и о Мазурове с Никитиным... Подгорбунский, перейдя на «ты», всё чаще ворчливо говорил:

– Ты пиши, пиши, а то позабудешь, напишешь что-нибудь не так, а ребятам будет обидно...

Но вот, наконец, дело дошло до описания рейда на Бучач. Операция эта была действительно незаурядная, и эту часть рассказа Подгорбунского я приведу полностью.

– Когда взяли Чортков, нам дали отдых до утра двадцать четвёртого марта. Мы были довольны, что все осталась целы-невредимы. Ведь это даже удивительно – провести такую трудную операцию и всем остаться живыми. Настроение было у всех отличное. Проверили материальную часть и легли спать. Вдруг в полночь меня будят, зовут к комбригу. Встречает меня полковник и говорит: «Благодарю, Подгорбунский, за находчивость и решительность в бою. Это тебе не забудется. А сейчас вот новая задача: разведать правый фланг в направлении на запад, вплоть до города Бучача, и постараться захватить этот город. Дело трудное, потому тебе и поручаем.

Я вспомнил, где этот Бучач, и поразился: до него многие десятки километров! Сел за карту, стал мудрывать. В три часа разбудил своих ребят. А полковник всё не спит, опять вызывает, даёт своё напутствие: действуй,

говорит, осторожно, есть сведения, что с этого направления подходит танковая дивизия СС «Адольф Гитлер»...

Выехали мы за передний край ещё затемно. Сильный ветер, небо без единой звезды. Проскочили по холодку большаком до первого местечка. Влетели туда – тишина, немцев нет. Расспрашиваем местных жителей, они говорят: «Тут вчера шли ваши танки, так их немного дальше по большаку, километрах в пяти, обстреляли...» Соображаю: это шла 1-я Гвардейская танковая, наносила удар на Чортков. С немецкой обороной она не связывалась: у неё была задача, как можно быстрее добраться до города. Значит, гитлеровцы могли тут задержаться. Принимаю решение: свернуть с большака на просёлок, так будет безопаснее...

...Проехали ещё десять километров. Светлеет. Туман спал. Вдруг впереди тарыхтит по большаку подвода, а на подводе пятеро немцев. Мы к ним, они увидели нас, повернули и через раскисшую пашню – к реке. Танками идти рискованно, можно увязнуть. Пристукнуть – жалко – хочется пленных добыть. И вот мы за ними бегом, целый километр бежали. Они открыли огонь, мы отвечаем, но бьём осторожно, чтобы не попортить. Всё-таки один напоролся на пулю, другой убежал, а троих мы сгребли. Из этих троих один был в офицерской фуражке и знаки у него – череп и кости, значит СС, а те двое – вроде так себе, обыкновенные солдаты в пилотках и маскировочных халатах. Но на войне по одежде о человеке судить не положено – мало ли кто как одеться может!

Ну мой Федоров тут же начинает допрос. Предупредили мы их откровенно: скажешь, мол, неправду, душа из тебя вон, сам понимаешь – время

военное. Мой сразу всё понял и тут же раскололся: мы, говорит, все трое – офицеры из дивизии «Адольф Гитлер», вели разведку. «А что в Бучаче?» В Бучаче, говорит, полным ходом идёт эвакуация тылов дивизии, грузятся в эшелон, стоит заслон – два танка, четыре орудия и пехота... Я посадил этих трёх голубчиков на танк к Висконту и отправил их в разведотдел корпуса, а Висконту сказал: «Смотри, отвечаешь за этот трофей головой, чтоб никаких там несчастных случаев в пути не было. И возвращайся быстрее, догонишь меня на подступах к Бучачу».

Иду дальше одним танком, на броне со мной 11 автоматчиков и сапёров... Два раза перехватывали немецкие колонны грузовиков и подвод, малость подавили их и постреляли... Немцы разбежались, но мы их уже не ловили: торопились в Бучач. Километра за три до города сделали небольшой привал в лесочке: ждали Висконта. А тем временем мои сорванцы Никитин, Ныриков, Сидоров и Жариков отправляются в пешую разведку. Пошли они лоцинкой к реке, оттуда пробрались в город, поговорили с жителями, сами осмотрелись. Возвращаются, подтверждают: не соврал СС... Жариков даже рассмеялся: не тот, говорит, СС нынче пошёл, разве в сорок первом году такие были? Его, бывало, хоть стреляй, никогда правду не скажет, а эти – тьфу!..

Вот подъехал Висконт... Привёз приказ: ворваться в город, занять переправу и держаться, а когда подойдут крупные силы противника, переправу уничтожить и отойти. Принимаю решение: с танком Васильченко врываюсь в город, а Висконт делает панику, ведя огонь с разных позиций по кладбищу, где стоит немецкая артиллерия: пусть думают, что город атакует целая бри-

гада! Так и сделали.

Висконт подавил пушки, а Васильченко с ходу зажёл оба лёгких танка. Для его пушки это была нетрудная работа. Мчимся прямо на вокзал: хотелось перехватить эшелон. Но он мне только хвост показал. Такая взяла досада, сказать невозможно. Но потом вижу: понтоны немцы погрузить не успели, удрали с пустыми руками, а понтоны тогда – самое главное для армии: надо же было Днестр форсировать!

Летим к переправе – слава богу, цела. Немцы её заминировали, но взорвать не успели. Выставляю караул, а сам с танком к зданию жандармерии: жители говорили, что там, в подвале, заключённые. Оставил двоих автоматчиков у танка, а с остальными прямо по лестнице в подвал. Смотрю – дверь заперта, но в ней торчит ключ... Наверное, хотели вывести, да услышали шум нашего танка и драпанули. Может, дверь минирована? Глянул мой сапер: нет, говорит, можно открывать. Распахнул я дверь, а там людей столько набито, что они только стоять и могут, – так прямо на меня крайние и упали. Многие уже без чувств: дышать там нечем было.

Кричу: «Кто здесь коммунисты, выходи!..» Выходят 30 человек...

Подгорбунский сделал паузу, достал из кармана затрёпанный блокнот, полистал его и строго сказал:

– Ты пиши, пиши, это же для истории!.. Серебровский, Грицан, Татамель, Коробовский, Крупец, Чековец, Канатев, Шундурский, Орлова... Я этим людям сразу дал винтовки, брошенные гитлеровцами, и сказал: «Теперь вы отвечаете перед советским командованием за порядок в городе, а комендантом у вас пока будет мой ординарец Власов». Они к нам – целоваться, обниматься, плачут, а я им говорю: «Потом, потом

будем обниматься, а сейчас начнём прочёсывать город, улицу за улицей, может, где-нибудь ещё гитлеровцы притаились». Потом собрал митинг, сказал населению речь: так, мол, и так, гитлеровцы изгнаны отныне и во веки веков, и теперь будет у вас советская власть... Подгорбунский хрипло рассмеялся:

– Вот бы сказали мне до войны, что я буду речи на митинге говорить, ни за что бы не поверил. Чему только солдат на войне не научится!..

Ну, на следующий день подошли ещё три танка, их привели Шляпин, Лисицкий и ещё один командир, его фамилию я запомнил. Стали в заездах у переправы. С ними пришёл взвод мотострелков. Стало наше положение совсем крепкое. Меня вызвали к начальству на доклад. А докладывать всегда приятно, когда есть что сказать: у нас опять никаких потерь, а мы уничтожили три танка, сорок автомобилей, захватили восемь тягачей, четыре пушки, восемь понтонов и три склада с разным добром. В общем, я до самого Катюкова дошёл со своим докладом – он был у Днестра, там с переправой дело не ладилось. Командарм слушает, хитро так улыбается, не поймёшь – верит или не верит. Говорит: «Мы тебя проконтролируем». Ну, я контроля не боюсь. Но как только я дошёл до понтонов, командарм так и встрепенулся: «Гони во весь дух в Бучач, бери любые транспортные средства, до танков включительно, и чтобы завтра к полудню понтоны были здесь».

Пока я доехал до Бучача, туда уже подошла 355-я пехотная дивизия. Мы прицепили к пяти нашим танкам трофейные понтоны и со скоростью 40 километров в час – к переправе через Днестр, туда, где я встретил Катюкова. Понтоны – на воду, и сразу мост готов.

Командарм увидел меня, остановился: «Сделано хорошо. Благодарю!..» Вот так и кончился наш поход в Бучач...

Подгорбунский вытер пот со лба. Он устал рассказывать. Это занятие утомляло его.

– Всё время боюсь забыть что-нибудь, самое важное, – признался он, – поэтому становлюсь болтливым, как сорока. Но тебе спасибо, что записал всё, – убьют меня, кому будет рассказать про наши бои. Одна надежда на нашего ротного писаря Фоменкова, он гроссбух ведёт. Ты прочитай этот гроссбух. Но ведь там что? Одна статистика, а для души ничего нет. А сейчас давай выпьем шампанского вдовы Клико. Говорят, им ещё Пушкин баловался, а нам сам бог велел. Мне его в наследство танковая дивизия «Адольф Гитлер» оставила. Пойдём в хату лесника, там моя штаб-квартира...

На другой день я проснулся поздно, разбуженный каким-то весёлым криком, доносившимся со двора. Выглянув в окно, я увидел, как разведчики, увешанные орденами и медалями, ловили пчелиный рой, вылетевший с соседней пасеки: их руки истосковались по мирным занятиям. Стояло яркое, безмятежное летнее утро. Земля подсыхала после обильного дождя. Над широкой поляной звенел жаворонок. Хмурый лесник, ругаясь вполголоса, разбирает кирпичный очаг, который гитлеровцы сложили у стены его хаты, под склоном соломенной крыши, – им было наплевать, что солома могла загореться, спали они не в хате, а в своих фургонах.

Подгорбунский сидел у стола и стругал своей финкой очередную палочку. Увидев, что я проснулся, он протянул мне толстую, прочно переплетённую тетрадь:

– Вот он, гроссбух Фоменкова... Может, пригодится тебе? Романтики, конечно, маловато, зато точность какая!

Я взял в руки тетрадь. Она и впрямь велась, как какая-то бухгалтерская книга, – в ней было и дебет и кредит, только объекты этого учёта необычны, речь шла о человеческих жизнях, и за каждой строчкой стояли иногда горестные, иногда радостные, но всегда трагические события.

Фоменков, видать, был очень исполнительным и трудолюбивым человеком! Он подбивал итоги после каждой операции.

В гроссбухе аккуратно регистрировалось выполнение каждого боевого задания. Моё внимание привлекла такая запись. «29.03.44 г Состав разведгруппы 27 человек, с двумя танками. Командир разведгруппы: Подгорбунский. Район или направление действий: Эзержаны, Тлумач, Тисменница, район Станислава. Результаты: уничтожено 4 танка «Т-IV», 1 «тигр», 8 бронетранспортеров, 2 самоходных орудия, много автомашин с различным грузом и повозок. Захвачено 19 стопятимиллиметровых орудий, 3 зенитные пушки, взято 6 складов, из них 4 продовольственных. В бою группа понесла потери, а её командир вышел из строя»

Эти цифры показались мне невероятными, и я откровенно сказал об этом командиру роты. Он неохотно откликнулся: «Верить или не верить – ваше дело. Это официальная отчётность роты о тех чёртовых днях. Сколько живы будем, мы их не забудем. Я до сих пор не понимаю, как мы тогда выстояли»

Я долго беседовал с Подгорбунским и другими оставшимися в живых участниками Станиславской операции, и вот что могу о ней рассказать.

После своего удачного рейда на

Бучач разведчики отдыхали в Чорткове, когда был получен приказ: Подгорбунскому срочно прибыть в Городенку Там в десять часов вечера 28 марта командование поставило ему новую задачу: обогнать ведущую наступление 21-ю бригаду, выйти на Эзержаны, следовать далее, ведя разведку и нанося удары по тылам противника, достигнуть Станислава. Задача была очень ответственная. Противник усиливал сопротивление, подтягивал резервы, и разведчикам предстояло проявить всю свою находчивость, изобретательность и энергию, чтобы успешно выполнить этот приказ.

На сей раз в распоряжение Подгорбунского были предоставлены танки лейтенантов Шляпина и Лисицкого, с которыми он познакомился и подружился в Бучаче. Висконт к этому времени был назначен командиром роты, а у Васильченко танк получил повреждение. Автоматчики и сапёры были те же, что и раньше. В общем, это был обстрелянный, дружный отряд. Вначале всё шло как по маслу Разведчики обогнали 21-ю бригаду, которая вела бой у Незвистки, сапёры под прикрытием темноты сняли мины, установленные гитлеровцами на большаке, и оба танка на большой скорости внезапно ворвались в расположение противника, ведя частый огонь. Автоматчики, сидевшие на броне, тоже стреляли во все стороны. Так с шумом и треском разведчики промчались через вражеский передний край. За ними проскочили ещё пять боевых машин танкового полка. Они завязали бой в глубине обороны противника, а разведчики на максимальной скорости умчались вперёд и ворвались было в Эзержаны. Но там их встретил организованный огонь, и сразу стало ясно, что тут повторение лихого рейда

на Бучач не получится: гитлеровцы уже успели укрепить оборону и эшелонировать её далеко в глубину.

Подгорбунский отвёл отряд, послал Лисицкого в обход Эзержан, а сам с танком Шляпина и автоматчиками, рассыпавшимися в цепь, завязал бой на подступах к местечку. Немцы вели огонь из четырёх орудий и танка, стоявшего за домом. Шляпин меткими выстрелами из своей мощной пушки разбил два немецких орудия, третье немцы бросили и убежали, но четвертое вело меткий огонь: видать, там были опытные и храбрые артиллеристы. Уже легко ранен помощник Подгорбунского, неоценимый разведчик Лукин, уже скользнул бронебойный снаряд по броне «тридцатьчетвёрки». Он пробил запасной бак, но горючее, к счастью, не вспыхнуло.

Надо было во что бы то ни стало немедленно ликвидировать это проклятое орудие. И Подгорбунский сказал Лукину, который перевязывал свою рану: «Ну, Митя, сходишь с Ныриковым на пушку? Знаю, несподручно тебе, но боюсь, что он сам не сладит». – «Есть сходить на пушку», – ответил Лукин, и двое разведчиков, взяв гранаты и автоматы, вперебежку бросились вперёд, ориентируясь на вспышки немецкого орудия. Сначала они шли по канаве, потом проскочили за дом. До пушки, которая вела поединок с нашим танком из засады, оставалось метров двадцать. Лукин сказал: «Обожди чуток, подползём и забросаем их гранатами, а то они наш танк зажгут». И не успел Лукин его задержать, как этот горячий парень вскочил и опрометью бросился прямо на пушку. Ныриков подбежал почти вплотную к стволу и уже метнул гранату, но в то же мгновение артиллерист дёрнул шнурок: выстрел и разрыв гра-

наты прозвучали почти одновременно. Снаряд угодил прямо в грудь Нырикову и разнёс его в куски. Но и расчёт орудия погиб. Тех, кто уцелел при взрыве гранаты, расстрелял из автомата подоспевший Лукин. Последняя немецкая пушка умолкла, путь был свободен...

Подгорбунский направил танк Шляпина по ложине, в обход стоявшей в засаде немецкой машины. Увидев, что батарея полностью подавлена, гитлеровцы решили отойти на новый рубеж. Но как только их танк вышел из укрытия, Шляпин метким выстрелом разбил его. Тем временем Лисицкий подавил очаги сопротивления на другом конце села, и оба танка, приняв на броню автоматчиков и сапёров, помчались дальше в Тлумач.

В Тлумаче, сами того не зная, разведчики разворошили самое что ни на есть осиное гнездо: там стоял штаб крупной немецкой части, и в штабе шло совещание. У подъезда двухэтажного каменного дома стояло много легковых машин. Услышав грохот советских танков, гитлеровцы открыли огонь, прикрывая отъезд своих старших командиров. Шляпин, шедший впереди, отвечал частым орудийным огнём по машинам, у которых суетились офицеры. Тут был убит сидевший на броне рядом с Подгорбунским отважный разведчик Анцыферов, служивший в роте с начала декабря 1943 года, весёлый комсомолец, отлично игравший на аккордеоне, – этого высокого, плотного белобрысого парня очень любили в части.

Разведчики быстро подавили сопротивление гитлеровцев. Они захватили в плен несколько старших офицеров, много младших офицеров и солдат, взяли большое количество трофеев. Построив пленных в колонну, Подгорбунский приказал Жарикову и

Мазурову вести их в тыл, а сам с отрядом двинулся дальше, на Тысменницу. Было уже одиннадцать часов утра. Люди смертельно устали, но Подгорбунский не мог дать им передышки: они были в тылу у немцев, обстановка всё усложнялась, и малейшее промедление могло привести к гибели отряда. Надо идти вперёд и вперёд...

На пути в Тысменницу разведчики обнаружили, что немцы готовят новый оборонительный рубеж: в засаде стояли два самоходных орудия, окапывалась пехота числом около роты, сапёры минировали дорогу. Шляпин и Лисицкий, обойдя гитлеровцев, ударили с тыла, разбили оба самоходных орудия и разогнали пехоту. И снова вперёд!

На подступах к Тысменнице Шляпин остановился, чтобы подтянуть фрикцион. Подгорбунский пересел на танк Лисицкого, и разведчики, не встречая сопротивления, вышли к железнодорожной станции, проехали по путям и продвинулись к переправе, находившейся всего в километре от Станислава. Стояла мёртвая тишина. Эта тишина сбивала с толку и настораживала. Подгорбунский внимательно осмотрелся. Он увидел, что по большаку идёт ещё один наш танк, позднее выяснилось, что это была машина его старого друга Висконта. Вдруг загремели выстрелы, и наш танк вспыхнул... Подгорбунский засёк вспышки и определил, кто ведёт огонь: в засаде у большака стояли, прикрывая въезд в Станислав, «тигр» и танк «Т-IV». Отряд разведчиков был в тылу у них. «Тигр» начал маневрировать. Когда он повернулся к машине Лисицкого, Подгорбунский скомандовал: «Огонь!» Подкалиберный снаряд зажёг «тигра». Но «Т-IV» успел нырнуть в низину и оказался вне досягаемости.

Праздновать победу было рано: в засадах на окраинах Станислава стояли ещё два немецких танка, которые открыли беглый огонь по танку Лисицкого. Раздался сильный взрыв... Но машина ещё подчинилась управлению. Оглушённый Подгорбунский скомандовал: «Вперёд, за домик...». Но тут же – новый удар. Лисицкому, который только что вылез на броню, оторвало голову и руку. У Подгорбунского выступила из ушей кровь, и он ничего не слышал. В голове помутилось. Но он опять скомандовал, нагнувшись к люку водителя: «Вперёд, за домик!»

Как это ни удивительно, танк, принявший два прямых попадания, ещё повиновался управлению. Механик увёл танк за домик, Подгорбунский вскочил в башню, развернул её и открыл огонь по немецким танкистам. Они попятились к Станиславу. Снова стало тихо.

Тело Лисицкого подобрали, принесли и положили на броню машины.

Закончив разведку на ближних подступах к Станиславу, отряд двинулся обратно. Подгорбунский сожалел всё хуже, в голове шумело, перед глазами плыли круги. Но он крепился, мысленно твердя: «Надо вывести отряд. Во что бы то ни стало вывести отряд». В Тысменнице разведчики настигли четырёх гитлеровцев. Это был экипаж разбитого Лисицким «тигра» – того самого, который погубил Висконта. Завязалась перестрелка, три немецких танкиста были убиты, четвёртый сдался в плен. И этот был эсесовцем – «тигр» принадлежал всё той же дивизии «Адольф Гитлер».

Под Глумачем разведчики разыскали штаб бригады. Пошатываясь, Подгорбунский подошёл к полковнику Липатенкову:

– Ваше задание выполнено...

Фразу он не закончил, свалился, как подрезанный сноп, и потерял сознание. Очнулся Подгорбунский уже в госпитале. Без него похоронили и Анцыферова, и Лисицкого. Могилы их находятся в самом центре старого парка в Тлумаче. А останки Нырикова, разорванного снарядом, так и не собрали. Только на том месте, где он погиб, соорудили обелиск, а рядом оставили на долгие времена немецкое орудие, расчёт которого уничтожил Ныриков, прокладывая путь своему отряду, и написали на щите пушки: «Сильна смерть, но воля гвардейца к победе сильнее...».

Ещё много удивительных подвигов совершил Владимир Подгорбунский со своими разведчиками. Судьбой ему было суждено дойти до самого края советской земли и отличиться при взятии крепости Перемышль на реке Сан.

Но до Берлина, о взятии которого он так страстно мечтал, Подгорбунскому добраться не удалось. Погиб он через месяц после нашей встречи.

Те, кому довелось встречаться в те памятные дни с этим человеком, таким непростым, внешне угловатым и резким, но, в сущности, душевным и сердечным, хорошо запомнили его и навсегда сохранили к нему тёплое чувство...

...Я долго не получал вестей от Катюкова, но вот наконец в первых числах сентября мне принесли от него коротенькое письмецо, написанное размашистым почерком. Оно, как всегда, было предельно лаконичное и богато содержанием:

«1.9.44. Привет! Не писал так долго потому, что вскоре после нашей встречи в Сады Мале у нас начались

бои, рейды, форсирование Буга, Сана, Вислы и бои на западном берегу Вислы, на плацдарме. Всё это мы делали сами, а потом уже к нам подходили соседи. Бойко, Боярский и Бочковский живы и здоровы. Подгорбунский погиб смертью героя и похоронен в местечке Демба. Бабаджанян ранен в горло и будет здоров через месяц, лежит у нас в госпитале. Горелов тоже ранен. Гусакowski представлен к званию Героя. Приказа о нём ещё нет...»

***

...Во второй половине дня через Днестр по бродам пошли танки. За рекой уже был создан плацдарм глубиной от четырёх до десяти километров. Примерно в то же время командир 19-й гвардейской мотострелковой бригады полковник Липатенков по заданию командования армии направил в дальний рейд командира взвода разведки Героя Советского Союза Владимира Подгорбунского, а тот, пройдя с двумя танками и горсточкой автоматчиков, сидевших на броне, десятки километров, ворвался в город Бучач, важный узел семи шоссейных дорог, и железнодорожную станцию, освободил из тюрьмы военнопленных и с их помощью организовал оборону до подхода главных сил.

Подполковник Колтунов вдруг прервал на минуту свой разговор и улыбнулся:

– Вы о Подгорбунском слышали?

В некотором роде необыкновенный человек.

– Слышал. Говорят, из бывших правонарушителей, перевоспитанный войной.

– Да... Но вы обязательно с ним встретитесь! Если доживёт до конца войны, счастлив будет тот писатель, которому придётся с ним встретиться. Сюжетов хватит на всю жизнь...

***

Подгорбунский – Жукову:

– Хотите описать, как я одному немцу нос откусил? Святой крест, правда. Можете даже очень художественно обрисовать... Дело было под Одноробовкой. Ехали мы в разведку на «виллисе» – я, автоматчик и шофёр. Вдруг за пригорком – шестнадцать немецких сапёров минируют дорогу. У них два пулемёта. Мы прыг из «виллиса» – и давай строчить из автоматов. Бой... Мой шофёр и автоматчик убиты. У меня ни одного патрона. А немцев осталось четверо. Наскочили... Бьют прикладами... Конец? Врёшь, не выйдет! Я – прыг на унтер-офицера и зубами его за нос – наш старый приём. Откусил, плюнул... Он навзничь. Остальные опешили. Я выхватил у одного винтовку, добил унтера. Потом второго прикладом. А остальные двое сдались. Привёз их домой на «виллисе». Вот так...

ИЗ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

ЗА 14 СЕНТЯБРЯ 1969 г.*

«БРОНЯ КРЕПКА»

Дважды Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск М.Е. Катукوف отвечает на вопросы корреспондента «Комсомольской правды»:

«... – А где вы закончили войну?

– В Берлине. Выстроились, помню, наши хлопцы. Я пошёл по рядам... И тут на фоне дымных развалин Берлина как бы встали предо мной те, кто погиб под Москвой, Орлом, Курском... Обожжённые, окровавленные, израненные, они стояли рядом с живыми. А на правом фланге – Ваня Любушкин, тот самый, который под Орлом в один день подбил девять фашистских танков, тот самый, кто первым открыл в нашей бригаде список Героев Совет-

ского Союза... Рядом с ним – Володя Подгорбунский.

– Какие требования вы предъявляете к танкистам?

– В первую очередь – мужество, выдержка. Нет таких храбрецов, которые не боялись бы смерти. Всем хочется жить. Но когда завязывается бой, приходится думать только об одном: выиграть бой, отстоять честь Родины.

Взаимовыручка, стремление как бы ни было трудно, помочь товарищу всегда были свойственны танкистам. Я уже говорил о Володе Подгорбунском, пожертвовавшем собой ради товарищей.

А сколько было таких, как он!..»

* Из интервью корреспондента газеты с маршалом Бронетанковых войск Катуковым М.Е.

ИЗ КНИГИ М.Е. КАТУКОВА «НА ОСТРИЕ ГЛАВНОГО УДАРА»

* * *

«...Танкисты с боями продвигались вперёд. Разведчики под командованием старшего лейтенанта Подгорбунского подошли к станции Фердинандовка, что неподалёку от Винницы. Жители рассказывали, что гитлеровцев в посёлке нет. Разведчики обнаружили на станции коменданта – перепуганного пожилого немца, который немедленно поднял руки вверх. Из допроса пленного выяснилось, что со стороны Винницы вот-вот должен прибыть эшелон с войсками. И действительно, вскоре послышался стук колёс и гудок паровоза.

Выполняя приказ разведчиков, дежурный по станции и комендант вышли на перрон встречать состав. Не подозревая об опасности, из вагонов высыпали офицеры и солдаты.

Подгорбунский дал вверх предупредительный выстрел из пушки, предлагая фашистам добровольно сдаться в плен. Гитлеровцы заметались по платформе, некоторые попытались отстреливаться, но, увидев нацеленные на состав танковые орудия, подняли руки.

Сведения, полученные в результате допроса пленных, имели тогда особую ценность».

* * *

...Несмотря на облачность, большую помощь нам оказала авиационная разведка. Именно от неё мы узна-

ли, что через ст. Попельня – сильный опорный пункт противника – по железной и шоссейным дорогам гитлеровцы угоняют в неволю советских людей и вывозят награбленное имущество. Со станции отправляют эшелон за эшелонами... Положение мог спасти только внезапный и стремительный рейд специально выделенного отряда. Прошу телефониста соединить меня со штабом 8-го гвардейского механизированного корпуса, передовой отряд которого – 1-я Танковая бригада полковника В.М. Горелова – находится довольно близко от Попельни.

– Немедленно организуйте налёт на ст. Попельня. Возложите эту задачу на Горелова...

Я попросил радиста срочно связать меня с Гореловым...

– «Ласточка», – приказал я, – не ввязывайтесь в бой с противником. Обходите стороной населённые пункты. Цель – квадрат такой-то... Захватите его как можно скорее и «сядьте ежом» на станции.

Что такое «сесть ежом»... – значит занять круговую оборону.

– Не выпускайте на Запад немецкие эшелоны и автомобильные колонны...

Как позже мне стало известно, комбриг умело обошёл вражеские узлы сопротивления и в ночь на 26 декабря ворвался в Попельню... После короткого боя Горелов очистил станцию от противника и закрыл наглухо все выходы из Попельни.

– Что было... – рассказал он потом. – Из вагонов высыпали женщины, режут от радости, обнимают танкистов. Чуть было сами не угодили в плен... женский. Оказалось, что на ст. Попельня стояли готовые к отправке в Германию пять составов с «дешёвой рабочей силой», несколько составов с крупным рогатым скотом.

Едва только вагоны с невольниками были открыты, как на станцию прибыл немецкий эшелон. Танкисты быстро обезоружили охрану. В вагонах эшелона оказались рождественские подарки для фашистских вояк – шоколад, вино, тёплое бельё, свитера, варежки.

После взятия Попельни открылась дорога к городу и крупному ж/д узлу Казатин. В это время из штаба фронта получили информацию, что противник решил на подходе к этому городу разбить наши корпуса. Для этого в районе Бердичева и в 50 км от него он создавал две сильные группы. Кроме того, ранее он развёртывал одну моторизованную дивизию севернее Казатина, но 1-я Танковая армия смяла её в начале наступления... По данным разведки, противник наметил район сбора ударных групп где-то южнее Казатина. Но где? Сколько дивизий? Каковы намерения гитлеровцев? Начальник разведотдела полковник Алексей Михайлович Соболев ... выслал вперёд лучшего раз-

Командир 4-й танковой бригады М.Е. Катуков. 1941 г. (с января 1943 г. – командующий 1-й Танковой армией).

ведчика армии – старшего лейтенанта Владимира Подгорбунского. Надо сказать, что слава Подгорбунского была вполне заслуженной. На его счету значилось бесчисленное количество разведывательных рейдов в тыл врага, из которых старший лейтенант всегда выходил не только целым и невредимым, но и с ценными сведениями. О нём сложилось мнение как о человеке бесшабашном. Думается, что такую репутацию Подгорбунский не заслужил. На самом деле за его внешней удалью всегда скрывалась тщательная подготовка к операции. Он не бросался в бой сломя голову, а сначала наводил о враге самые подробные справки, раз-

нюхивал его слабые места, а затем сваливался противнику как снег на голову.

И вот теперь разведгруппа Подгорбунского отправилась в тыл врага. Миновав передний край, разведчики остановились у небольшого украинского села. Вокруг такая тишь, будто всё вымерло, – верный признак того, что в селе затаился противник. Тогда Подгорбунский решил поиграть на нервах фрицев, чтобы вынудить их обнаружить себя. Он приказал выдвинуться вперёд танку младшего лейтенанта Исаева. И тотчас же из ближнего сарая выплеснулось пламя. Исаев круто развернулся и скрылся за пригорком. Вслед ему поднялась беспорядочная стрельба из пушек и пулемётов.

Теперь Подгорбунскому нетрудно было подсчитать силы противника: три замаскированных танка, две противотанковые пушки, несколько пулемётов. С двумя танками и небольшим десантом такого «ежа» не возьмёшь. Подгорбунский применил такую хитрость. Танк Исаева вышел на бугор и открыл огонь. Его десант – сапёры, разведчики рассыпались в цепь. Гитлеровцы подняли отчаянную стрельбу. А тем временем Подгорбунский на втором танке с десантом автоматчиков обошёл бугор и ворвался в село с тыла. На улицах сгрудилось до трёх десятков машин и до полусотни повозок. Фашисты возились у кухонь, копались в машинах. Завидев мчащийся русский танк, они разбежались кто куда. А перед селом шёл бой. Исаев и сапёры-разведчики разыгрывали наступление, противник отбивал «атаку», даже не подозревая, что с тыла над ним нависла смертельная угроза. Когда, наконец, гитлеровцы поняли, что окружены, предпринять что-либо было уже поздно. Несколько пленных привёз Подгорбунский из это-

го рейда. В результате допроса этих пленных, а также «языков», взятых другими разведчиками, удалось установить, что южнее нас гитлеровцы сосредотачивают части 17-й танковой дивизии, 16-й моторизированной и 4-й горнострелковой.

...Дальнейшему столь же энергичному наступлению препятствовала оттепель. Не только колёсные машины, но и танки буксовали в глубоких колеях... 27 декабря штаб армии разместился в населённом пункте Липки. Донесения из корпусов поступали ободряющие...

– Вышел на рубеж Бровки-Харлеевка-Вчерайше, – докладывал С.М. Кривошеин.

От Вчерайшего до Казатина рукой подать. Посоветовавшись с М.А. Шалиным, мы решили наступать, имея по-прежнему на правом фланге 11-й гв. танковый корпус, а на левом – 8-й гв. механизированный.

Но пришлось наступление приостановить – из-за бездорожья тыловики запоздали с подвозкой горючего... Горючее наконец доставлено, машины дозаправлены. К тому же подморозило, и я приказал продолжать двигаться вперёд. Ломая сопротивление мелких групп противника, передовые отряды 8-го механизированного корпуса утром 28 декабря, пройдя за ночь 30 километров, подошли к Казатину. Овладеть городом лобовой атакой с ходу не удалось – враг был слишком силён.

По данным разведки, в районе города оборонялись подразделения трёх пехотных, двух танковых и одной артиллерийской дивизий, четыре полка, шесть охранных батальонов и другие части – всего примерно 35 тысяч человек. Мы атаковали город с трёх сторон: с севера, с востока, с юга.

Первой ворвалась в город группа разведчиков под командованием В.Н. Подгорбунского – два танка с десантом автоматчиков на броне (всего 29 человек).

Гитлеровцы, как потом выяснилось из допроса пленных, ожидали нашего удара с севера. В. Подгорбунский, обходя вражеские «ежи», взял левее и вышел к городу с востока. Разведчики стремительно промчались по улицам города, уничтожая на пути огневые точки противника, давя гусеницами и расстреливая пулемётом живую силу врага. Разбив 8 орудий и уничтожив до сопки вражеских солдат и офицеров, они вырвались на привокзальную площадь. Туда как раз прибыл пассажирский поезд. В одном из вагонов находились штабные офицеры танковой дивизии. Несколько выстрелов «тридцатьчетвёрок» – и на вокзале поднялась паника. Гитлеровцы пытались отбуксировать состав в юго-западном направлении, но сапёры-разведчики успели подорвать выходные стрелки пути. Подгорбунский выпустил по составу несколько снарядов и скрылся в ближайших переулках.

Пока разведчики наводили панику в городе, к его окрестностям подошёл танковый полк подполковника Ивана Никифоровича Бойко...

Посоветовавшись со своими разведчиками, Бойко придумал оригинальный план – двигаться в город по железнодорожному пути с включенными фарами. «Тридцатьчетвёрочки» поднялись по крутой насыпи и пошли по полотну железной дороги к станции...

Станция была уже совсем рядом, в каких-то трёхстах метрах, а оттуда не раздавалось ни одного выстрела. Как потом показали пленные, заведя

на ж/д полотне огни, гитлеровцы были крайне удивлены, откуда с советской стороны к ним спешит поезд. В том, что это поезд, они не сомневались. Решили: свой, запоздавший.

Фашисты спохватились поздно... Соппротивление было бесполезным. Хотя немцы стреляли, но судьба города уже была предрешена. Советские танки мчались по улицам, врезаясь в колонны машин, давя и сминая всё на своём пути. Танкисты и автоматчики шаг за шагом очищали железнодорожный узел от гитлеровцев. Группа бойцов, ворвавшаяся в глухой железнодорожный тупик, обнаружила нескольких фашистских солдат, поливавших бензином из канистр и ведёр вагоны. Перебив вражеских солдат, танкисты открыли вагоны. Из них выходили худые, оборванные, измученные люди. Выяснилось, что это советские военнопленные... Появились наши автоматчики в тупике несколькими минутами позже – и состав превратился бы в крематорий на колёсах. Утром вместе со штабом я приехал в Казатин... Обосновались в двухэтажном доме в подвале. Не успел я скинуть бурку... как перед окнами остановилась «тридцатьчетвёрка». С брони спрыгнул Подгорбунский. Резко жестикулируя, он отдал распоряжения механику-водителю и направился в дом. Ещё с порога отрапортовал:

– Товарищ командующий, гауляйтер прибыл. Гестаповец, чертей ему в печёнку. Хотел удрать, собака, но мы его сцапали – и в кутузку. Разрешите привести?

Получив согласие, Подгорбунский выскочил на улицу и вскоре вернулся с высоким, худым, чрезвычайно чопорным немецким офицером в форме СС. Подвал наполнился запахом духов, пудры и спиртного.

– Кто ты такой? – спросил я.

Пленный явно нервничал, хотя изо всех сил старался изобразить спокойствие. Не спеша снял фуражку с высокой тульей и, слегка изогнувшись в корпусе, ответил на ломаном русском языке:

– Я есть офицер... армии фюрер.

– Фамилия?

Гестаповец покосился в сторону переводчика, искривил тонкие губы.

– Я не разговаривать с юда.

– Ах, не хочет разговаривать! – вспылил Подгорбунский. – Товарищ командующий, вот чем он разговаривал с нашими. – И старший лейтенант швырнул на стол нагайку. – В его кабинете нашёл, ещё тёпленькая!

При виде нагайки гауляйтер сник, поёжился.

– Товарищ командующий! – хрипло прошептал Подгорбунский. – Разрешите мне с ним поговорить. Так сказать тет-а-тет. – И старший лейтенант потянулся за нагайкой.

– Отставить!

Подгорбунский пожал плечами, кинул на гестаповца испепеляющий взгляд и выскочил на улицу.

Выяснилось, что перед нами довольно крупная птица – гауляйтер фон Хюбе, прославившийся в здешних местах зверствами над мирным населением. Я приказал немедленно отправить гауляйтера в штаб фронта.

Вечером мне принесли список отличившихся в бою... Героизм был массовым явлением, и вот теперь, просматривая архивы политдонесений того времени, нахожу строки, отображающие подвиг танкиста-комсомольца Беликова.

Танк, в экипаже которого находился молодой боец, мчался по городским улицам. Он разбил пушечным

огнём десять вражеских автомобилей и искромсал тяжёлое орудие. Но неожиданно на перекрёстке глухих улиц в броню «тридцатьчетвёрки» ударил немецкий снаряд... Беликов, оглушённый, на какие-то секунды потерял сознание. Когда же пришёл в себя, окликнул товарищей по экипажу. Никто не отозвался. Все были убиты. А немцы, между тем, скопившись на перекрёстке, стали подбираться к подбитой машине. Беликов встретил их пулемётным огнём. Гитлеровцы бежали, оставив перед танком несколько трупов. Но через некоторое время фашисты опять атаковали «тридцатьчетвёрку». Но и на этот раз Беликов отогнал их пулемётной очередью.

Несколько часов Беликов отражал бесчисленные атаки противника... Более 30 немецких солдат и офицеров уничтожил танкист. И дорого было то, что наш гвардеец, попав в крайне тяжёлую обстановку, проявил мужество...

Освобождён Казатин. Разгромлена 20-я моторизованная дивизия врага. Захвачены немецкие склады – база снабжения южного крыла гитлеровских армий. Это были поистине гигантские склады с громадными запасами продовольствия, десятки тысяч тонн сахара, миллионы яиц, бочки вина, сыры в кругах..., сардины, анчоусы, мешки, ящики – всего не перечтёшь. 69-й гвардейский танковый полк взял склады под охрану. И.Н. Бойко был временно, до подхода наших тылов, назначен командантом города...

За ратные подвиги тысячи воинов были награждены орденами и медалями, а 12-ти наиболее отличившимся танкистам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, в том числе А.Ф. Бурде, И.К. Захарову, И.Н. Бойко, В.Н. Подгорбунскому,

Г.С. Петровскому, П.И. Орехову,
П.Ф. Гриболеву, М.И. Бушилову...

...Впереди у Днестра ухали взрывы бомб, стрекотали пулемёты, багровое зарево стояло у горизонта... Я отдал приказ спешно форсировать реку, пока отступающий противник не организовал на противоположном берегу оборону...

Разведчики тем временем нашли широкий брод, по которому могли пройти танки. Однако большой планомерной переправы войск организовать ещё нельзя было: понтонный парк... отстал. А без понтонного моста и паромов не переправишь колёсные машины и артиллерию.

Ночью в избу, где я остановился, пришёл Соболев.

– Товарищ командующий, – быстро заговорил он, – совсем недалеко в одной деревне находится немецкий понтонный парк. Правда, в селе фашисты, но...

– Откуда у тебя такие сведения?

– Местные жители говорят, да и разведчики мои подтвердили. Вот бы нам его сейчас...

– Хорошая мысль. Но как его прибрать к рукам?

– А что, если послать Подгорбунского? Он на такие дела мастер... Вряд ли кто другой сумеет к нему добраться.

Подгорбунский был человеком весьма сложной судьбы. Родом из Сибири. Отец его в гражданскую войну сражался с белогвардейцами и погиб. Владимир Подгорбунский остался сиротой. Беспризорничал, скитался по стране. Потом попал в детский дом в городе Чите, там и воспитывался. Геройски дрался с фашистами этот широкоплечий крепыш. Выполнял самые ответственные задания в разведке.

Где жарко, там и он. Сначала был красноармейцем, потом сержантом, а за подвиги присвоили ему офицерское звание. За короткий срок стал капитаном, командиром роты.

Встретились с ним на берегу Днестра. Коротко объяснил я старшему лейтенанту в чём суть дела, и по-дружески, не в порядке приказа, а именно по-дружески, попросил:

– Будь добр, товарищ Подгорбунский, уведи у немцев понтонный парк. Сослужи службу, век будем помнить... – и шутя добавил: – Учти, работа сдельная, за нами не пропадёт.

Вижу, у Подгорбунского глаза загорелись. Знаю: необыкновенные дела для него радостей дороже. Козырнул старший лейтенант: «Будет исполнено!» – и ушёл к своим разведчикам. В ту же ночь Подгорбунский со своей ротой отправился на задание. Как я потом узнал, он и на этот раз действовал лихо, дерзко, но расчётливо. Чтобы не заблудиться в пути, взял в проводники местного человека...

Глубокой ночью, глухими тропами пробрался Подгорбунский со своими разведчиками через боевое охранение противника, с тыла ворвался в деревню, где находился немецкий понтонный парк, и как снег на голову обрушился на маленький фашистский гарнизон. В деревне, кроме понтонёров, никого не было. Под треск пулеметов и автоматов гитлеровцы разбежались, а наши разведчики, не теряя ни минуты, взяли на буксиры немецкие понтоны и привезли их на берег Днестра, в село Устечко.

...А затем армейские сапёры быстро соорудили понтонные паромы и стали перебрасывать на правый берег Днестра машины с горючим и боеприпасами. Сделанная Подгорбунским

работа не осталась незамеченной... В.Н. Подгорбунский был награждён орденом Красного Знамени...

Мы вступили на территорию Польши (22 июля 1944 г.), и это обстоятельство выдвинуло перед нами ряд серьёзных проблем...

Итак, перед нашими частями лежал Ярославль... Видно было, как по единственной дороге, ведущей к городу, пыталась прорваться группа танков. Это действовали разведчики Подгорбунского. Но противник открыл плотный заградительный огонь. Каким-то чудом машинам удалось выйти из-под обстрела без единой вмятины.

Впоследствии я узнал, что Подгорбунский, как всегда, проявил находчивость. Пробравшись со своими разведчиками к реке, он зажёл несколько шашек и под покровом густого дыма переправил на противоположный берег две лодки с автоматчиками. Гитлеровцы пытались выбить бойцов с крохотного плацдарма, но меткий огонь танков с нашего берега сорвал их попытки.

Разведчики продержались до наступления темноты, а ночью подошло подразделение 6-го мотоциклетного полка...

14 августа приказом фронта наша армия вместе с 13-й армией генерала Пухова поворачивалась на восток и юго-восток с тем, чтобы соединиться с войсками генерала В.Н. Гордова и окружить сандомирскую группировку противника. Реализуя этот приказ, мы тем самым окружили лучшие дивизии противника, дравшиеся у Сандомира... 21-я механизированная бригада А.И. Темника совместно с частями армии Пухова перерезала последнюю дорогу, соединяющую Сандомир с западом. Теперь окружённые войска про-

тивника могли снабжаться только по воздуху... Но главный результат этих боёв – расширение плацдарма на левом берегу Вислы...

Однако в ходе боёв на Сандомирском плацдарме произошла нелепость, которая запомнилась мне на всю жизнь... Помню, мы сильно обстреливали один район левобережья... Ещё во время подготовки к Висленской операции я специально выпросил у командующего фронтом этот дивизион для огневой поддержки.

Его орудия и сосредоточили огонь по опорному пункту фашистской обороны, сильно мешавшему продвижению частей механизированного корпуса... И вдруг телефонный звонок. В трубке голос маршала И.С. Конева:

– Катук, прекратите огонь по квадрату такому-то.

– Почему, товарищ маршал? – вырвалось у меня.

– В этом квадрате находятся войска Гордова.

– Этого не может быть, товарищ маршал, – пытался возразить я. – Там немцы.

– Гордов только что заверил меня, что в этом квадрате его войска.

– Это ошибка!

– Хорошо, – закончил разговор Иван Степанович. – Вышлите туда разведку и уточните положение.

Нам и без разведки было ясно, что тут какое-то недоразумение. Но приказ есть приказ. Я вызвал из механизированного корпуса командира разведроты В.Н. Подгорбунского и поставил ему задачу на разведку. Предупредил, что на этом участке засели немцы, а поэтому надо быть осторожным. И.Ф. Дрёмову, командиру корпуса, тоже объяснил в чём дело, приказав следить за продвижением Подгорбунского

и помогать ему.

Обо всём, что произошло в этот день с Подгорбунским и его товарищами, я узнал из доклада полковника Соболева.

Подгорбунский повёл танки в разведку. Долго он искал лазейку через линию фронта в расположении врага, но не нашёл её. Тогда он решил пробиться стремительным броском. Под утро группа внезапно атаковала противника на фольварке Бугай. Впереди шёл танк, за ним бронетранспортёры, один из них с пушкой на прицепе. Замыкали колонну броневички. Разведчики открыли огонь. Расчёт оправдался: противник был сбит. Танк на большой скорости ворвался в соседнее село Лукавка. Гитлеровцы бросились врассыпную. Дальше железная дорога. Танк взобрался на полотно, но остальные машины не смогли. Враг тоже не дремал и подтянул против разведчиков шесть танков и до батальона пехоты. Подгорбунский приказал командиру танка... Дубинину идти вперёд, соединиться с нашими и таким образом прорвать «горловину». Остальным составом он принял бой. Лейтенант Каторкин тремя выстрелами из пушки поджёг два танка, но и наша пушка вышла из строя. Вспыхнули броневички. Подгорбунский был дважды

ранен: сперва в ногу, потом в бок, но продолжал руководить боем. Немцы стремились взять разведчиков живыми. Кто мог держать оружие и бросать гранаты, продолжал сражаться. Солдаты противника залегли, поджидая танки. Воспользовавшись этим, Подгорбунский приказал командирам скорее скрыться в овраге и отходить к своим. Но в овраг спустился только один бронетранспортёр, в котором находился В. Подгорбунский. Остальные машины были разбиты. Володя послал бойцов к подбитому бронетранспортёру взять из него живых и мёртвых.

С полкилометра разведчики ехали по оврагу вне обстрела, а когда выскочили в поле, опять попали под огонь. В одном месте, метрах в ста от машины, из окопа выскочили фашисты и открыли стрельбу. Подгорбунский поднялся, метко обстрелял бежавших солдат, заставил их залечь. Потом рядом с машиной разорвался снаряд, ударной волной её чуть отбросило в сторону, и в этот момент Володя упал, сражённый осколками.

Так погиб славный разведчик нашей армии Герой Советского Союза Владимир Николаевич Подгорбунский. Поздно ночью удалось нам вынести с поля боя его обгоревшее, искромсанное осколками снарядов тело.

ИЗ СБОРНИКА «ХРОНИКА ВОВ»

(Разведчики в боях за Родину: Сборник. – Книга вторая. – М., 1967. –

Соболев А. «Смелость города берёт»:

Очерк «Старший лейтенант Подгорбунский Владимир Николаевич». – С. 60)

Хорошо помню первую встречу со старшим лейтенантом В.Н. Подгорбунским. От него поступила просьба о переводе в разведку. Как офицер разведотдела штаба 1-й Танковой армии я пригласил его на беседу. В землянку спустился среднего роста, стремительный в движениях молодой человек лет двадцати семи. Меня поразил его взгляд, очень внимательный, цепкий, быстро ощупавший обстановку моего фронтового кабинета-жилища.

– Что вас побудило проситься в разведку? – задал я обычный в таких случаях вопрос.

– Люблю острые ощущения, – с усмешкой ответил Подгорбунский.

Подгорбунский член партии, заместитель командира роты по политической части. И всё же меня не удивила некоторая вольность ответа. Я знал, что до войны он находился в заключении.

– Расскажите о вашей довоенной жизни, – вновь официальным тоном попросил я. Наступила пауза, долгая, многозначительная. Старший лейтенант насупился, спрятал глаза под густые брови. Казалось, всем своим видом он говорил: «Стоит ли копаться в прошлом, ворошить, что уже отлетело?»

Я тоже молчал, давал понять, что в нашем деле неясность, недоговоренность недопустима. У разведчиков честность, искренность, правдивость

всегда должны быть в одном ряду с мужеством, преданностью Родине.

Подгорбунский понял это.

– Ну что ж, слушайте...

И он заговорил, медленно, с трудом подбирая слова. Закурил, потушил папиросу, опять закурил. Его глаза временами загорались, а временами в них отражались боль и сожаление. Прошлые годы оставили у него тяжёлые воспоминания. Это понятно. Жизнь Подгорбунского сложилась несуразно. Отца, учителя города Балаганска-на-Амуре, в 18-м году расстреляли белогвардейцы. Некоторое время двухлетний Володя вместе с матерью находился в партизанском отряде. Позже семья перебралась в Москву. Скоро мать умерла. Мальчик поступил в ФЗУ, увлёкся техникой, хорошо учился. Но попал в дурную компанию, был осужден на три года пребывания в колонии для малолетних преступников, а потом, за побег, срок ему значительно увеличили.

– Потерянные годы, – с чувством сожаления подвёл итог этому периоду своей жизни Подгорбунский. Потом тряхнул головой, поправил русые волосы, точно очнулся от сна...

– На войне всё пошло иначе: мне оказали доверие – и приняли в партию; больше того – я стал комсоргом батальона. Словно родился заново. Приняли в офицерскую семью – присвоили звание старшего лейтенанта...

По широкому открытому лицу Владимира расплылась счастливая улыбка. Итак, Подгорбунский стал разведчиком. А вскоре о нём, как о командире-разведчике, уже шла добрая молва.

В ту пору, летом 1943 года, 1-я Танковая армия вела наступательные бои западнее Белгорода. Как всегда, впереди наступавших действовала разведка.

Разведывательный дозор, которым командовал Подгорбунский, вырвался вперёд и вышел в районе деревни Сергеевки. Командир дозора и с ним три разведчика поднимались на высоту, чтобы с неё осмотреть окрестность. Только миновали подсолнечное и вошли в пшеничное поле, как нос к носу столкнулись с группой гитлеровцев.

Разведчики и немцы почти одновременно залегли, стали перестреливаться, хотя в высокой пшенице ничего не видно. Старший лейтенант приказал бойцам продолжать вести огонь и ждать сигнала к атаке, а сам пополз на звук вражеского пулемёта. С фланга подобрался к нему, пустил автоматную очередь. Пулемёт смолк. Подгорбунский поднялся в рост и с криком «Ура!» бросился на гитлеровцев.

Подоспели на помощь разведчики. В рукопашной схватке они уничтожили нескольких солдат, а одного обезоружили и взяли в плен.

Через несколько дней наши части прорвались к станции Ковяги и перерезали железную дорогу Харьков – Полтава. К станции часто подходил вражеский бронепоезд и огнём причинял нашим подразделениям большой урон.

Подгорбунский получил задачу обезвредить его. С группой разведчиков и сапёров, используя то обстоятельство, что фронт ещё полностью не

стабилизировался, он ночью без особого труда проник в глубокий тыл противника.

Достигли высокой железнодорожной насыпи. Было тихо. Изредка доносились дальние орудийные выстрелы. Прожекторы в поисках невидимых самолётов щупали лучами тёмное небо.

– Вот здесь и свалим его, – имея в виду бронепоезд, показал Подгорбунский на насыпь, пересекавшую заболоченный участок. Сапёры принялись устанавливать под рельсы мины с дополнительными зарядами. Летняя ночь коротка. Надо было действовать как можно быстрее, и разведчики, чем могли, помогали товарищам.

Как только всё было закончено, группа отошла на безопасное расстояние.

Начало светать, и тут же за лесом послышался приглушённый вздох паровоза. Поезд шёл без единого огонька, тихим накатом. Под уклон он начал набирать скорость. Когда он выскочил на открытое место, разведчики различили, что впереди состава шла платформа с балластом, а за паровозом – несколько платформ с зенитными орудиями и танками.

Сверкнуло ослепительное пламя, и раздался мощный взрыв. Едва рассеялись пыль, дым и пар, разведчики увидели лежащий на боку под откосом бронепоезд, опрокинувшиеся вверх колёсами платформы, перевёрнутые танки, зенитные пушки...

В последних числах декабря 1943 года 1-я Танковая армия наступала от Киева в направлении на Казатин. Погода, несмотря на зимнее время, стояла тёплая, снег осел, поля местами оголились. Талая вода ручьями текла по оврагам, озёрами скапливалась в низи-

нах. Дороги развезло, а вне дороги движение вообще было невозможно.

Противник умело использовал распутицу. Оседлает дорогу и затормаживает наступление целого соединения. При этом бывало часто неясно, какими силами он преграждает путь... В таких случаях разведка идёт в бой, активными и дерзкими действиями выявляет силы неприятеля.

Повстречался вражеский заслон и разведывательному дозору Подгорбунского. Между строениями небольшого населённого пункта разведчики заметили самоходное и противотанковое орудие. Но каковы полные силы неприятеля?

Подгорбунский вызвал лейтенанта Исаева – командира одного из двух танков...

– Выдвинься вперёд, укрываясь за той вот высотой... На рожон не лезь, осмотришь хорошенько. Потом поднимись повыше, чуть-чуть покажись – и назад. Опять покажись, но уже в другом месте. В общем, на нервах играй, а в перекрёстный не попадай.

Исаев спустился в люк. Механик-водитель старшина Бушилов дал газ, и танк, разбрызгивая грязь и снег, двинулся к высоте.

Подгорбунский в бинокль наблюдал за поведением гитлеровцев. Вот у одного из сараев всплеснуло пламя, а через несколько мгновений перед машиной Исаева разорвался снаряд...

– Пожалуй, самоходок у немцев больше нет, – вслух рассуждал командир, – а противотанковых орудий не менее двух. И пехота имеется. Так что дело ясное: атакой в лоб с двумя танками заслон не сбить. Попробуем обойти...

Танк лейтенанта Исаева вместе с группой десантников продолжал демонстрировать атаку вдоль дороги. Тем временем Подгорбунский с остальными автоматчиками на танке лейтенанта Пахучего пошли в обход населённого пункта.

Как только послышались выстрелы на западной окраине деревни, противник забеспокоился и стал отходить. Но было поздно: путь был отрезан. При попытке пробиться враг потерял самоходную установку и оба противотанковых орудия...

Вся операция была проведена так быстро, что части продолжали наступать на Казатин без задержки. Но чем ближе войска подходили к городу, тем больше возрастало сопротивление противника...

А. СОБОЛЕВ «РАЗВЕДКА БОЕМ» (ЗАПИСКИ ВОЙСКОВОГО РАЗВЕДЧИКА)*

изд-во «Московский рабочий», 1975 г.

Надо иметь много фактов и сведений, чтобы дать верный анализ действиям противника и хотя бы в общих чертах предвидеть развитие событий на сутки вперёд. Но, сидя в автобусе, материал для анализа не получишь. Его надо добывать на поле боя.

Затянувшееся молчание нарушает капитан Петропавловский.

– Товарищ подполковник, разрешите выскочить вперёд. Вернусь быстро. Может, там, в бригадах, и «языки» есть.

– И меня тоже, – просится капитан Семёнов.

– И меня, – умоляюще говорит капитан Мозговой...

Вскоре Петропавловский доставляет пять «языков» из 332-й 57 пехотной 19-й и 11-й танковых дивизий, взятых разведчиками 6-го танкового корпуса.

... Просьбы Мозгового отпустить вперёд становятся всё настойчивее. Да и надо знать, что делается на левом фланге армии...

Раннее утро 4 августа. Возвращается Мозговой и подаёт портфель, сопровождая кратким докладом:

– От Подгорбунского. Офицера связи противника в стычке убили, а документы взяли...

Соболев А.М. – гв. полковник, начальник разведки 1-й Гв. танковой армии

Спешим в бригаду подполковника Н.Ф. Липатенкова... За деревней... наталкиваемся на наш разведывательный дозор, в котором три «тридцатьчетвёрочки», броневики и четыре мотоцикла. Около них хлопчут разведчики. Метрах в двухстах от них догорают два танка и девять машин противника.

– Отдельный разведывательный дозор восстанавливает боеготовность, – докладывает старший лейте-

* Книга подарена автором с дарственной надписью: «Красным следопытам школы-интерната имени Подгорбунского с добрыми пожеланиями в 30-летие нашей Победы над гитлеровской Германией. От автора. 9 мая 1975 года А. Соболев».

нант Владимир Подгорбунский. – Извините, что не все выглядим по форме.

Володя хочет улыбнуться, но это у него не получается: правый глаз совсем заплыл в кровоподтёке, губы распухли, из них сочится кровь. Он в руке держит гимнастёрку:

– Всю располосовали, а интенданты другой не дадут, скажут – срок не выслужила. У, гады, чертей бы им в печёнки! – старший лейтенант грозит увесистым кулаком пленным, разукрашенным синяками не менее, чем он сам.

– Что с рукой?

– Немного кожу порвал, – показывает Володя огромный шаровидный бицепс правой руки. – Ничего, заживёт до свадьбы-то! А ну, ребята, живей! – подбадривает он разведчиков. – Чтоб через десять минут был порядок!

Танкисты, высоко взмахивая кувалдами, расшивают гусеницы машин, чтобы сменить повреждённые траки.

– А как же так получилось? – спрашиваю Володю, показывая на его лицо.

– Это пройдёт. А сегодня я пережил то, что никогда не приходилось, – взволновано говорит Володя. – Выбили мы противника из деревни, и тут на улицу высыпали стар и млад. Гляжу, прямо ко мне старушка с мальчиком: «Родненький ты мой, соколик долгожданный...» – приговаривает и рыдает. Пацанчик уцепился за сумку, кричит: «Дяденька, не уходите, а то опять фашисты вернутся». Успокаиваю женщину, пацана, а у самого сердце готово выскочить. Всё бы им отдал, лишь бы утешить. Но что у меня есть? Сунул малышу в руки кусок сахара да карандаш, а больше ничего.

Состояние Володи мне понятно. Знаю, что он много испытал невзгод.

– Ну, а как синяк получил? – ещё раз спрашиваю Володю.

– Остановил я дозор перед высотой и с тремя бойцами поднялся наверх: надо было посмотреть, что за ней и в деревне, – продолжает старший лейтенант. – Только мы миновали участок подсолнухов, как нос к носу столкнулись с 16 гитлеровцами. Скорее залегли и открыли огонь. Но стрелять можно было без конца и впустую, если в высокой пшенице цель не видна. Я приказал бойцам оставаться на месте, а сам в обход, в тыл. Вижу – пулемётчик. Даю по нему очередь из автомата, пулемёт смолк. И как на зло отказал мой автомат. Устранять задержку некогда. Выхватил револьвер – и на врага. Застрелил двоих, а остальные на меня, рассчитывали, видимо, взять живым. Ведь им тоже «языки» нужны. Один фашист чуть было не оглушил меня прикладом, но я вернулся, у другого вышиб оружие, налево и направо раздаю тумачи, не даюсь им в руки! Подбежал Лукин, Кожевников и остальные. Гитлеровцы бросились бежать к машинам, догнал одного, дал толчок в спину, сшиб с ног, захватил в плен. Тут сидит, чертей бы ему в печёнку! – Подгорбунский показывает на пленных. – Подоспели наши танки, мы с ходу ворвались в деревню и навалились там на транспортёры и машины. Видали, небось? А потом вот с ними встретились, – показывает Володя глазами на горящие танки в поле. – Пока с ними возились, бригада ушла вперёд от деревни прямо на юг.

Старший лейтенант внимательно осматривает боевые машины, и вскоре дозор срывается с места и теряется за горизонтом.

Приближается 24 декабря 1943 года – первый день наступления 1-й Танковой армии. (Три месяца 1-я Танковая армия была в резерве Ставки и сосредоточена вблизи Сум – прим. сост.)...

П.П. Гриболов – командир взвода
67-го Гв. танкового полка 19-й гв. мехбригады

...Дозор Подгорбунского продолжает решительно двигаться вперёд. На следующее утро он врывается в Казатин. В донесении начальника разведки 19-й гвардейской механизированной бригады капитана А.П. Иванова сообщается, что там много пленных и на станции разгромлен какой-то штаб.

Вместе с капитаном Суллой вошли в только что освобождённый городок.

На улицах города – брошенные противником орудия, миномёты, оружие, машины – признаки панического бегства. С юго-запада доносится стрельба. Там наши войска отбивают контратаку врага...

Выясняем, что в Казатине было около трёх с половиной тысяч солдат и офицеров противника. В успехе Подгорбунского решающую роль сыграли внезапность удара и «психический шок», в который впали гитлеровцы, потеряв способность к организованному сопротивлению.

Только к 10 часам врагу удалось кое-как организовать сопротивление. Но к этому времени в Казатин вошли танкисты 69-го танкового полка, которым командовал гвардии подполковник И.Н. Бойко, и закрепили успех разведчиков.

Родина высоко оценила мужество и воинское мастерство бойцов и командиров при освобождении Казатины, наградив многих из них орденами и медалями. А наиболее отличившимся: подполковнику И.Н. Бойко, старшему лейтенанту В.Н. Подгорбунскому, командиру танкового взвода 69-го танкового полка лейтенанту П.Ф. Гриболову и механику-водителю 19-го танкового полка старшине М.И. Бушилову было присвоено звание Героя Советского Союза...

После двухнедельной передышки, с 6 по 14 марта 1944 года армия совершает марш-маневр через Бердичев, Высокую Печь, Шепетовку и сосредотачивается северо-восточнее Збаража...

Разведывательные подразделения, минуя узлы сопротивления, оказываются на оперативных просторах. А там обстановка крайне путанная. То враг убегает – не догонишь, то он больно ударит из засады и отскочит на выгодный рубеж, то появится сильная колонна – тогда, разведчики, смотрите в оба, не зевайте, вовремя уклоняйтесь от боя, но не теряйте противника из виду.

На правом фланге со станции Дычкув по нашим частям бьёт вражеский бронепоезд. Дозор старшего лейтенанта Подгорбунского открывает по нему огонь из танков, разбивает бронеплощадку и вынуждает уйти...

...Среднее привисленское левобережье. Высокие, поросшие лесом холмы раздвинуты широкими плодо-

родными долинами. Война на сандомирщине ещё не польхала...

Гвардии старший лейтенант Подгорбунский на плацдарме не находит себе места. Не в его характере быть в бездействии. Пока его бойцы зарывались по оградительному вдоль берега вала, переправившиеся разведчики 6-го мотоциклетного полка под командованием старшины Артамонова и стрелки 350-й дивизии 13-й армии продвинулись вперёд и к утру закрепились в четырёх километрах от берега Вислы. Старший лейтенант, быть которому в тылу считает не только обидным, но и оскорбительным. Потому-то он и мечется, поторапливает понтонщиков, оборудующих причал для парома с танками... Наконец-то танки Подгорбунского на западном берегу... Грозные машины с грохотом устремляются на запад, пересекают цепь нашей пехоты...

Перед лесом группа останавливается. Подгорбунский отбегает в сторону. Прислушивается, но никаких тревожащих звуков из леса не слышно.

– Заводи! – на бегу командует Володя. Впереди небольшой городок Сташув. Он ещё в какой-то утренней дрёме. Трижды сигналит сипловато маленький паровозик и смолкает...

– Я на первой машине. Огонь без нужды не открывать, снаряды расходовать экономно: когда получим – неизвестно. Сразу же сквозь город выходим на противоположную сторону. На подготовку к налёту – десять минут, – приказывает Подгорбунский Барсукову.

Вражеский гарнизон застигнут спящим. Перепуганные гитлеровцы, застёгиваясь и подпоясываясь на бегу, первые минуты даже не стреляют. Уже в поле они роют торопливо мелкие окопы и поднимают пальбу. Наши танки на окраине Сташува прячутся за построй-

ки, изготавливаются для ведения огня...

Враг переходит в атаку густой цепью, в рост, неумело, без сочетания огня и движения... Разведчики открывают огонь из танковых и ручных пулемётов. Гитлеровцы торопливо убегают на тот же рубеж... И вновь открыли пальбу, на этот раз не только с фронта, но и в левый фланг.

– Что там? – резко спрашивает Подгорбунский запыхавшегося связиста...

– Сотни две готовятся к атаке!

– Лейтенант Дубинин, незаметно сняться и – за связным! Задержите там противника, пока мы не отойдём.

– Есть, задержать противника! – звонко отвечает командир машины и захлопывает за собой люк...

Разведгруппа уходит из города и закрепляется на опушке леса, седлая дорогу, ведущую к переправе...

– Какой-то поляк хочет обратиться до вас, – докладывает подбежавший Волков.

– Давай его быстрее! Вёл бы сразу с собой.

– С ним лейтенант Дубинин разговаривает.

– Будто бы от партизан пришёл, – сообщает подошедший лейтенант.

– Так, так, я из партизан Роля-Жмерского, жолнеж Армии людовой. Наш отряд в лесу, недалеко от этого места, – подтверждает поляк.

Подгорбунский и Казимир – так назывался связной от польских партизан, о совместной атаке договариваются быстро: разведчики наносят удар с северо-востока, а партизаны – с северо-запада. В разгар боя подходит взвод автоматчиков старшины Артамонова из мотоциклетного полка, и полный перевес получился на стороне разведчиков. Неся потери, гитлеровцы беспорядочно убегают.

– Донесите, что Сташув наш! – требует командир дозора...

– ...Отвезите донесение, – приказывает Подгорбунский Волкову и тут же пишет: «Я в Сташуве. Фашисты прячутся в лесу южнее. Пленных отправил. Шлите снаряды. Думаю ударить на Хмельник. Подгорбунский»...

Сложной и запутанной становится обстановка в районе Сандомира. Захватив за Вислой небольшой плацдарм севернее этого города, армия генерала Н.П. Пухова наступает на запад. Наши обессиленные корпуса из района западнее Сандомира стремятся соединиться с ней и захлестнуть около 30 тысяч гитлеровцев. Но противник ещё всё имеет надежду ударами из района Сандомира и с запада окружить нашу армию, как первый шаг в ликвидации плацдарма. Таким образом, мы стремились окружить противника, а он нас...

...Ночной рейд мотоциклистов дал ощутимые результаты. Были взяты «языки» из пяти рот двух полков, раздавлены четыре миномётные и одна артиллерийская батарея, уничтожено несколько десятков автомашин и повозок. Главный же итог налёта в том, что он явился как бы «последней каплей», сломившей упорство противника в районе Сандомира. Утром воздушная разведка сообщила о сотнях машин, уходящих из сандомирской ловушки.

«Перехватить горловину, по которой враг отводит части» – таково общее мнение больших и малых начальников. Узнав, что кому-то предстоит горячее дело, Подгорбунский не даёт покоя подполковнику Андрияко:

– Пошлите меня, выполню!..

– Пойми, что противник не дурак. Он ждёт удара по узкому месту и подготавливается к отходу. Тут сила нужна, а не наскок. Не могу поддержать тебя в

такой просьбе, – отказывает Андрияко. – Что тебе не сидится? Уже шесть ранений перенёс, мало ли крови пролил и ещё рвёшься. Без риска жить не можешь, что ли?

– Товарищ гвардии полковник, – официально обращается Подгорбунский. – Всё что вы говорите, правда...

– Значит, идите, и по этому вопросу ко мне не обращайтесь! – лопается терпение у Андрияко.

Подгорбунский поворачивается кругом, отходит и садится на скамейку у стены соседнего дома. В минуты раздумий, отдыха и когда требуется успокоиться, Владимир что-нибудь строгаёт острым армейским ножом. За этим занятием его и застал командующий армией, приехавший в штаб корпуса...

...После двухнедельной жары наступает пасмурная погода. Низко ползут серые тучи, роняя моросящий дождь. Самолёты не летают, и сведения о противнике могут поступать только от наземной разведки.

– Что доносит Подгорбунский? – спрашиваю у Андрияко.

– Он вчера погиб. Разберусь и доложу.

Часа через два ко мне в избу входят гвардии майор С.Я. Шутов и лейтенант медицинской службы П.З. Зенин. После обычных приветствии они присаживаются к столу. Переглядываются между собой, хотя что-то сообщить важное, но не знают, как начать. Помогаю им преодолеть затруднение:

– Как же догадались заехать? Откуда пробираетесь?

– Подгорбунского хоронили в Дембе, – отвечает Сергей Яковлевич и смолкает. Он смотрит на меня в упор, пытаюсь определить возможную реакцию с моей стороны.

– Очень тяжёлая утрата, – говорю.

Даже не верится, что Володя, находивший выходы в сложнейших переплётках, не мог перехитрить врага, обмануть старуху-смерть и на этот раз. Кажется, что вот-вот широко распахнётся дверь и в неё шумно ввалится Володя.

– Выяснили подробности гибели? –

спрашиваю у Шустова.

– Из всех, кто был с ним, вернулось семь человек. И только двое каким-то чудом невредимые: гвардии лейтенант Каторкин и водитель бронетранспортёра гвардии младший сержант Дегтярев. Они доложили подробности...

ИЗ КНИГИ А.Х. БАБАДЖАНЯНА*

«ДОРОГИ ПОБЕДЫ»

(Москва, «Молодая гвардия», 1975 г., стр. 140-141).

При освобождении враг понёс колоссальные потери, помимо техники и вооружения, наши войска захватили

Бабаджян А.Х.

множество складов продовольствия, горючего. В этих боях немеркнувшей славой покрыли себя командир 69-го гвардейского танкового полка подполковник И.Н. Бойко, старший лейтенант В.Н. Подгорбунский, лейтенант Н.Ф. Гриболов, старши-

на М.И. Бушилов – всем им присвоено было звание Героя Советского Союза...

...А дел у нас с ним было в городе Казатине по горло. Кроме всего, противник в бессильной злобе из-за потери

Казатина решил смести его с лица земли дальнобойной артиллерией, которая остервенело била прямо в центр города. Пришлось срочно выводить войска, эвакуировать часть населения, вывозить захваченные трофеи.

Вскоре 11-й гвардейский танковый корпус далеко отбросил противника, артобстрел прекратился. Жизнь в городе входила в нормальную колею.

Однако противник не успокаивался. Он вновь 30 декабря при поддержке массированных ударов авиации перешёл к контратакам. Пока главные силы 1-й Танковой армии вели бои в районе Казатина, 44-я гвардейская бригада полковника И.И. Гусаковского колонной подошла к восточной окраине Бердичева...

* Бабаджян Амазасп Хачатурович – Герой Советского Союза, гвардии полковник, командир 20-й гвардейской механизированной бригады.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ И.Ф. ДРЁМОВА «НАСТУПАЛА ГРОЗНАЯ БРОНЯ»

(К.: Политиздат, 1981)

Тогда же, при штурме Казатина, отличился и механик-водитель танка Т-34 21-й механизированной бригады старшина Бушилов Михаил Иванович. Заметив, что командир ранен, он принял на себя командование экипажем. Его танк одним из первых проскочил в город, подмяв под себя противотанковую батарею, расстреляв из пушки лёгкий танк противника, две самоходки и около десятка автомашин.

С ходу ворвались в Казатин, уничтожив четыре орудия и два взвода пехоты. Посеяли панику среди врагов красноармейцы взвода разведывательной роты 21-й механизированной бригады старшего лейтенанта В.Н. Подгорбунского. В районе села Турбовка взвод своевременно обнаружил танковую засаду противника и решительными действиями рассеял её, уничтожив два танка и захватив в плен несколько немцев. В районе совхоза «Звенящий» разведчики, организовав танковую засаду, уничтожили 4 бронетранспортёра, два взвода пехоты и захватили исправный танк противника.

За смелость и отвагу, проявленные при взятии Казатина, подполковнику Ивану Никифоровичу Бойко, старшему лейтенанту Владимиру Николаевичу Подгорбунскому, лейтенанту Петру Филипповичу Гриболову, старшине Михаилу Ивановичу Бушилову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Особо отмечен и старший лейтенант, командир танковой роты 69-го танкового полка Иван Степанович Анд-

рошук, который в бою за город Казатин показал себя мастером танкового боя...

– Слежу за левым берегом, – рассказывал нам позднее А.И. Розенберг, – и вижу плывущего навстречу человека. Экипаж насторожился. Медленно тянутся минуты ожидания. Паром почти вплотную приближается к пловцу. И каково же моё удивление! Узнаю корпусного разведчика лейтенанта Подгорбунского.

А вскоре с сердечной болью гвардии полковник В.П. Воронченко сообщил мне о гибели нашего бесстрашного корпусного разведчика Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Владимира Николаевича Подгорбунского. Выполняя боевое задание юго-восточнее Сандомира, он попал в окружение. Экипаж боевого бронетранспортёра сражался до последнего вздоха и погиб геройской смертью. Подступы к сгоревшему бронетранспортёру, рассказывал мне гвардии майор Шустов, были сплошь усеяны трупами гитлеровских солдат и офицеров.

Дрёмов Иван Фёдорович,
Герой Советского
Союза, командир
8-го гв. механизированного
корпуса, генерал-майор

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА Н.К. ПОПЕЛЯ* ИЗ КНИГИ «ТАНКИ ПОВЕРНУЛИ НА ЗАПАД»

(Берлин, 1964.)

Ещё одна особенность Володи. Он сильно любил детей. На Калининском фронте он зашёл глубоко в тыл врага и наскочил на место, где только что были расстреляны немцами мирные жители: женщины, старики, дети. И там были ещё живы дети – мальчик и девочка. Подгорбунский их забрал. Девочка заболела и умерла, мальчика Боря взял себе. Боря всегда был рядом с Подгорбунским, которой готовил его на разведчика. И Боря стал хорошим разведчиком. Всегда стоял на правом фланге в шинели, военной форме. Очень тяжело переживал Боря гибель Подгорбунского. После войны юного разведчика направили в Суворовское училище».

(В своей книге «Танки повернули на Запад» Н.К. Попель пишет, что Подгорбунский и его бойцы часто ходили в пешую разведку и действовали там с невиданной смелостью. – *прим. сост.*).

«Единственного пленного в ночь перед наступлением притащили разведчики Подгорбунского. Пробрались в блиндаж, в котором трое немцев слушали пластинки. Двух прикончили финками, а одному сунули в рот салфетку и поволокли. Подгорбунский бросился назад, к патефону, аккуратно поставил мембрану на самый обод пластинки. Из

Н.К. Попель

блиндажа, как пять минут назад, слышался тирольский вальсок...»

(Далее – один из эпизодов, который характеризует Подгорбунского как человека доброй души, верного товарища – *прим. сост.*).

«От Подгорбунского, нашедшего меня в лесном домике без крыши, я и услышал в третий раз о Николае Петрове...»

– В беде, товарищ генерал, Коля не отступит, назад не пойдёт.

* Попель Николай Кириллович – генерал-лейтенант, член Военного Совета 1-й Гвардейской танковой армии.

– Откуда вы знаете?

– Я с Колей вместе в одном эшелоне ехал. Если б не он, на тот свет приехали бы... В теплушке для больных валялся: воспаление лёгких, жар – до сорока... А тут бомбёжка. Справа по ходу не выскочишь, левая дверь снаружи закрыта. Ну, глядим, хана. Дым, дышать нечем. Вдруг кто-то ломаями закрытую дверь долбает... Как, что – не помню. Очухался, вижу: несёт меня, как младенца, лейтенант какой-то. У самого у него бушлат тлеет. Так и познакомился с Колей Петровым. Такие люди на вес золота, грамм на грамм. Он всё в жизни понимает. Я с ним в дороге душу отводил. Ум и сердце работают синхронно... А теперь вот второй день о нём ни слуху ни духу. И никто не чешется...

– В бригаде не один танк Петрова.

– Товарищ генерал, я к вам как к человеку, а не как к начальнику.

– Это что значит?

– Ну, может, я горячусь, может, не так выражаюсь, но надо понимать. Я не одного дружка похоронил на войне. А Коля Петров не только мой друг. Он друг всем людям. Только люди о том ещё не знают...

Но эта преданность, дружелюбие были у Подгорбунского лишь тогда, когда он всецело уверовал в человека. Но не прельщался он льстивыми словами в свой адрес, не «с ходу» становился всем товарищем. Был бдителен.

... В группе Подгорбунского появился новый разведчик – Хоценко. Внешне – свой парень, бывалый, с медалькой. Напрашивался идти в разведку один, а этого Подгорбунский не разрешал. Целью Хоценко был переход к

немцам, передача разведданных и снова у разведчиков. Но у Подгорбунского закралось сомнение. Подгорбунский ни с кем не поделился своими сомнениями (дурака сваял, право слово. Вдруг, думаю, честный человек, а я на него напраслину...)

Как только корпус кончил передислокацию, разведчики ушли на передовую. Хоценко не терпелось. Он согласен был уже с кем-нибудь вдвоём:

– Ну, хоть с тобой, Володя. За один заход Героя заработаю...

Сегодняшней ночью, когда поисковая группа отправилась за «языком», Хоценко оказался рядом с Подгорбунским и ефрейтором Малеевым. Хоценко с Малеевым ползли впереди. Подгорбунский прикрывал их с тыла. Время от времени обменивались условным свистом. Потом Подгорбунский перестал отвечать. Хоценко свистнул раз, другой. Тишина. Тогда он достал из-под полы телогрейки висевшую на брючном ремне финку с резиновой ручкой (такие получили наши разведчики, чтобы резать провода под напряжением) и сзади пырнул в бок Малеева. Но тут подбежал Подгорбунский, и Хоценко получил удар автоматом по голове...

– Зимнее обмундирование, товарищ генерал, – ввернул Подгорбунский. – Васе Малееву по ребрам прошла. Живой он, но крови много вытекло. Мой приклад тоже слабо сработал: ушанка. Пришлось добавлять. Личность предлагала мне перейти к фюреру. Обещания такие, будто он племянник Геринга... Скрутили и принесли аккуратненько на передовую.

«ВПЕРЕДИ БЕРЛИН»

Попель Н.К. «Впереди Берлин». – Белград, 1967.

* * *

Дверь распахнулась под ударом запылённого сапога.

– Товарищ генерал! Изверги рода человеческого женщин и детей убивают!

Только разведчик Подгорбунский мог так ворваться в помещение, где находились старшие по званию командиры. Фигура Володи выглядела необычно: на руках сидели, прижавшись головками к широким плечам, две маленькие девочки.

– Доложите конкретней! В чём дело?

– Да фашисты же! – шумел Володя. – Вышибали их с окраины, я шёл в обход, а во дворе эсесовцы женщин приканчивают. Детишки за мёртвых матерей хватаются, в материнской крови купаются...

И разведчик дёрнул за побаврошевшую полу серенького детского платица.

– Палачей взяли? – спросил я.

– Виноват, рука не сдержалась. Резанул гадов из автомата, всех уложил на месте. Всё равно я их пленными не смог видеть. Новые подскочили, тех Пётр Мочалов со своим взводом добил. Матери, которые в живых остались, детишек забрали, а вот эти около своей мёртвой плакали...

– Пусть они считаются моими, – голос его дрожал. – Сам сирота, по себе знаю, что с детёнком может без отца случаться. Я их воспитаю, ладно? Прошу пока сохранить! Разрешите идти?

И, круто повернувшись, помчался на улицу...

* * *

– Можно ещё один вопрос? По личному делу. – Лицо Володи изображало отчаянную лихость, муку и решимость. В народе такое выражение называют «была не была». – Не посчитайте, что действую не по инстанции. Попытался решить вопрос через банно-прачечный отряд, но они мне вместо Ани свои сердца предлагали.

– Стой! Не так быстро. Какой Ани?

– Ани Беляковой, с банно-прачечного отряда. Больше года, как я её заметил и решил: вот моя жена. И она тоже как будто полюбила. А потом ей наплели, что обманываю её. Дескать, офицер, Герой Советского Союза, зачем ему деревенщина? Поматросит на фронте и бросит – в таком роде наговорили. Ведь есть же такие люди, товарищ генерал! А она гордая! Ну, такая гордая! Даже видеться не хочет. Все мои письма и подарки возвратила. «Ты, говорит, – ловелас». Я же к ней, как к советской женщине, всей душой, – не верит. Обратился к подполковнику Жердеву, начальнику политотдела тыла, – не смог он помочь. Теперь к вам обращаюсь. Она фронту прямой ущерб наносит. Раны мои никак не заживают, разведчики без меня воевать вынуждены.

– Ты из трёх слов одно слышишь. И ходить ещё толком не можешь.

– Да это я от муки. Ни лекарство,

ни врачи – ничего не помогает. Помру без неё.

– А Аня вылечит?

– Аня? Аня – это всё! Спасите мне жизнь, помогите, чтоб она стала моей женой! Я уж и в письмах её дорогой женой называл, чтобы поверила. Вот возьмите письма, в них всё написано.

Я понимаю, читатель улыбнётся наивности Володи. Что может сделать любой начальник с такой непокорной вещью, как сердце девушки? Но ведь армия была для Володи первым в его сиротской жизни домом, первой семьёй, и если обиженные жизнью дети прибегают просить помощи у отца с матерью, то Володя пошёл «по инстанции» просить помощи у старших товарищей.

Наш банно-прачечный отряд состоял из девушек различного возраста и общественного положения. Тут были работницы, колхозницы, молодые учительницы и студентки театральные студии. Это были ополченки-добровольцы сорок первого года из Московской и Калининской области. При виде девушек жалость сжала моё сердце. В мужских трусах и майках стояли эти труженицы, согнувшись у своих огромных корыт. Иногда на землю сливалась побагровевшая вода, распухшие, потрескавшиеся руки прачек снова и снова оттирали с белья грязь, кровь, гипс, солёный солдатский пот. Некоторые прополаскивали огромные груды простиранного обмундирования и бинтов в речке, другие прокатывали бельё каталкой и рубелем.

У корыта мы нашли и Аню. Невысокая, на первый взгляд неприметная девушка несколько не походила на фею, которая сумела приворожить и довести до полусмерти «бога разведки». Но какой был характер! Едва я по-

пытался завести разговор о Володе, она покраснела и замолчала. Весь её вид выразительно говорил: «Товарищ генерал, о своих личных делах разговаривать с вами не буду». Я начинал понимать неудачу подполковника Жердева и перевёл разговор на вопрос об условиях работы прачек.

– А зимой вы где работаете?

– Так же, товарищ генерал, на свежем воздухе. Речки нас выручают.

Аня успокоилась, и тут мы попросили её зайти попозже к начальнику отряда: там, надеялись, разговаривать будет и удобнее и легче.

... Разговор был прерван приходом Ани. Призвав на помощь весь свой жизненный опыт, я начал беседу: «Ну хорошо, ты его не любишь! Но ведь человек ранен, контужен. Врачи говорят, что поправку тормозит тяжёлое душевное состояние. Побудь с ним несколько дней в госпитале дружинницей. Выздоровеет он, и ты свободна. Надо же спасти Героя жизнь!»

Против такой тяжёлой батареи доказательств Аня не смогла устоять, её перевод в госпиталь был оформлен тут же. По пути мы с Журавлёвым закрепляли нашу победу, расписывали ей, какой Володя хороший и честный, рассказывали, как он признался нам, что полюбил её с первого взгляда. Аня покраснела снова и заулыбалась: не станет же «ловелас» докладывать генералу о таких делах и просить его помощи! По сияющим её глазам мы поняли, что утраченная вера в Володю восстановлена...

В госпитале нас ждал Подгорбунский. Они с Аней кинулись друг к другу. Володя сказал: «Спасибо, жизнь спасли...»

Через несколько дней Журавлёв докладывал:

– Ко мне из госпиталя звонили на счёт Подгорбунского, а потом его жена приезжала, очень беспокоится.

– Как, уже поженились?

– Вот выписка из приказа, – сказал он, вытащив из кармана сложенную бумажку. Там значилось: «Выписка из приказа № 018 от 12/08.1944 года. По 8-му гвардейскому мотоциклетному батальону. Действующая армия.

§ 1. На основании Положения НКО СССР о браках в/служащих, находящихся в действующей армии, считать в состоянии гражданского брака Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Подгорбунского Владимира Николаевича, родж. апрель 1916 г., уроженец г. Читы, с гражданкой Беляковой Анной Константиновной, в/служ., 74 отд. банно-прачечного отряда, рож-

дения 1922 года, 25/III. Калининской области, Лихославского района, ст. Калашниково, ул. Главная, д. 6.

Основание: *Рапорт гв. ст. лейтенанта Героя Советского Союза Подгорбунского В.Н.*

Командир 8-го гв. отд. бат. кап. Музыкантов.

Н/шт. капитан Троценко».

– Поздравить молодых нужно. Так о чём же Аня беспокоится?

– Подгорбунский уехал якобы по вашему вызову и до сих пор не вернулся обратно.

– Какой вызов? Я не вызывал его. Может, Литвяк?

– Литвяк лично не вызывал, но рассказывал, что корпусные разведчики не могли выполнить задание – пробиться к окружённым.

